

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Carl Darling Buck, A dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages, Чикаго, 1949, стр. 1515 (Карл Дарлинг Бак, Словарь избранных синонимов основных индоевропейских языков).

Во исполнение плана, изложенного в основных чертах еще в 1929 г. («Language», 1929, № 5, стр. 216—217), Бак в сотрудничестве и при консультации со многими американскими лингвистами (Джордж Лейн, Вартбург, Кларк, Кеннестон и др.) выпустил в 1949 г. настоящий словарь. Составитель словаря, как явствует из подзаголовка и из краткого предисловия, имел намерение внести своим трудом вклад в историю понятий, которая «воплощена в истории слов, употребляемых для их выражения» (Предисл., стр. V). Свою задачу Бак определенно ограничивает. «Составление «Словаря понятий» в полном смысле этого слова — пишет он в предисловии (стр. X—XI), — есть, конечно, несбыточная мечта. Даже для индоевропейских языков что-либо подобное полному семантическому словарю — вне возможной реализации для настоящего времени. Однако более скромная форма синтетического труда представляется мне заслуживающей внимания и возможной для выполнения даже и теперь». В настоящем своем виде словарь включает около 1500 ключевых слов или, как их называет Бак, понятий. Отбор слов проводился по определенному принципу, который формулируется следующим образом: «Включенные в списки слова рассматриваются как наиболее обычные выражения данного понятия в принятом письменном и разговорном языке» (стр. XII). Эквиваленты отобранных понятий даются на 31 языке: древнегреческом, современном греческом, латинском, итальянском, французском, испанском, румынском, древнеирландском, современном ирландском, валлийском, бретонском, готском, древне-норвежском, датском, шведском, древнеанглийском, среднеанглийском, современном английском, голландском, древневерхненемецком, средневерхненемецком, современном немецком, литовском, латышском, старославянском (древнеболгарском), сербохорватском, чешском, польском, русском, санскрите и авестийском. Уже это перечисление показывает неравномерность материала и исключение ряда важных языков. Бак отказывается от включения ряда языков в свой словарь по разным причинам. Когда он исключает из обзора современные иранские и индийские языки с тем, чтобы уменьшить и без того огромный объем работы и сделать возможным выпуск ее в свет, не откладывая на долгие годы, то против подобного довода ничего нельзя возразить. Лингвисты, работающие в области индоиранского языкознания, будут разочарованы, не обнаружив в словаре интересующего их материала, но неизбежно приходится считаться с со всякого рода техническими трудностями. Вместе с тем едва ли можно признать убедительными другие доводы составителя. Албанский и армянский языки исключаются потому, что они определяются как «малые» индоевропейские языки, между тем как именно эти языки являются ключевыми для разрешения многих запутанных вопросов взаимоотношения индоевропейских языков, не говоря уже о странности подобной оценки целых языковых групп. В такой же мере неубедительной оказывается и ссылка Бака на то, что португальский язык опускается ввиду значительного совпадения его лексики с лексикой испанского языка. Здесь отчетливо выступает механический подход к сравнительному изучению лексики родственных языков, столь характерный для буржуазного языкознания, не умеющего различать слова разных лексических сфер (основной словарный фонд и словарный состав). Если подойти к этому вопросу количественно, как это и делает в данном случае Бак, то, действительно, в испанском и португальском словарях можно обнаружить большое количество совпадений. Но во многих случаях это чисто внешние совпадения; при этом не учитывается роль и функция совпадающих по форме слов в двух разных национальных языках, почему сопоставлению нередко подлежат этимологически не однородные слова. Эти различия наглядно выступают при принятой в словаре классификации по понятийным сферам: для одного и того же довольно обычного понятия оба упомянутых языка нередко используют разные слова. Для примера можно сослаться на такие сопоставления, как порт. *floresta* «лес» и исп. *selva*, порт. *garaz* и *garariga* «девочка» и «мальчик» и исп. *muchago* и *muchaga*, порт. *soro* «стакан» и исп. *vaso*,

порт. *perto* «близко» и исп. *cerca*, порт. *acordar* «будить» и исп. *despertar* и т. п. Надо, правда, отметить, что составитель выходит в ряде случаев за пределы отображенных им языков и дает сопоставления и с другими индоевропейскими языками, но такого рода экскурсы носят случайный, несистематический характер.

Все вошедшие в словарь ключевые слова распределены по предместному признаку по 22 разделам в следующем порядке: 1) физический мир; 2) человек: пол, возраст, семейные отношения; 3) животные; 4) части тела и их функционирование; 5) пища и питье; 6) одежда; 7) жилище; 8) сельское хозяйство; 9) разные физические действия; 10) движение; 11) принадлежность; 12) пространственные отношения; 13) количество; 14) время; 15) восприятия чувств; 16) эмоции; 17) разум; 18) речь; 19) социальные отношения; 20) война; 21) закон; 22) религия.

Каждая статья, связанная с ключевым словом или понятием, начинается со списка лексических эквивалентов (синонимов) на 30 языках; обычно по каждому языку дается одно основное, редко, два слова. Затем следуют краткие указания семантического развития некоторых приведенных слов, данные об их этимологиях и об этимологических взаимоотношениях перечисленных слов.

Таким образом, словарь представляет своеобразное соединение словарей трех типов: этимологического, идеографического и семантического. Это объединение, видимо, должно оправдываться той задачей, которую составитель ставил перед собой в первую очередь — дать материал для прослеживания развития наиболее общих понятий. Этой задаче служит и сам принцип составления словаря, делающий исходным пунктом рассмотрения не слово и его значение, а понятие, т. е. явление лингвистическое. Однако, прежде чем перейти к определению того, насколько успешно Баку удалось выполнить поставленную перед собой задачу, представляется необходимым приоткрыть к тому, каковы составные части его словаря. Очевидно, что осуществлению его плана во многом должна способствовать научная выдержанность тех принципов составления словарей, которые синтезируются в этом совершенно новом типе словаря. Семантическая классификация ключевых слов, призванная обеспечить идеографическую линию словаря, отличается большой произвольностью и значительной неустойчивостью. В основу своей классификации Баку кладет схему, предложенную Истом Трипом (в его базирующейся на принципах «семантического поля» работе «Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes»), в которую составителем внесены некоторые добавления и изменения. Поскольку словарь по замыслу составителя должен помочь прослеживанию развития понятий, то, казалось бы, именно идеографическая его часть должна характеризоваться наибольшей последовательностью, систематичностью и ясностью. Однако сам автор не считает это обязательным и относится к этой стороне своего словаря весьма беззаботно. «Здесь много открытого произвола, как в классификации, так и в выборе включенных в словарь синонимов», — признается он в предисловии (стр. XIII—XIV), — многие ключевые слова могут быть легко перенесены из одного раздела в другой... Погрешности в группировке не могут быть серьезным препятствием для употребления словаря, так как обязательным дополнением к нему является алфавитный индекс, ориентированный на английские слова». Соответственно этим установкам и строится словарь. Так, в разделе «физический мир» оказывается вдруг «спичка» (1,87 — match); в разделе «человек — семья» — «свадьба» (2,34 — wedding); в разделе... «части тела и их функционирование» — «убивать» (4,76 — kill), «сильный» (4,81 — strong), «яд» (4,89 — poison); в разделе «пища и питье» — «доить» (5,87 — milk), очевидно, только потому, что рядом стоит «молоко»; в разделе «сельское хозяйство» много понятий, которые естественно было бы увидеть и в разделе «пища и питье». Таковы: «рис» (8,48 — rice), «кукуруза» (8,47 — maize, corn), «вино» (8,67 — wine); тут же оказывается и глагол «курить» (8,69 — smoke). Раздел 9-й включает всего покемного: здесь и «золото» (9,64 — gold), и глагол «быть» (9,91 — be), и «корзина» (9,76 — basket), и «скульптор» (9,82 — sculptor), и глагол «мочь» (9,95 — can, may), и «искусство» (9,42 — art), и «узел» (9,192 — knot) и т. д. В разделе «движение» — смешение возвратности, переходности, вида (ср. англ. turn, фр. tourner, средневерхнем. kēren, русск. повернуть); сам Баку пишет, что все различия значений подобного рода игнорируются им (стр. 665). «Для славянских глаголов», — пишет Баку на стр. 11, — бесполезно давать формы различных видов. Обычно дается кратчайшая форма». В этом же разделе оказываются такие понятия, как «моряк» (10,82 — sailor). В раздел «пространственные отношения» включаются «крюк» (12,75 — hook), «дыра» (12,85 — hole). В разделе «социальные отношения», включающем 43 наиболее употребительных понятия не только в области собственно социальных отношений, но и относящихся к территориальным и политическим подразделениям, наряду со «страной», «городом», «королем», «свободой», «народом», фигурирует «проститутка» (19,71 — whore, prostitute), «заговор» (19,63 — plot, conspirasi).

Все подобные случаи можно отнести к внешней неупорядоченности, к недостаткам отбора слов и несовершенству классификации. Более пристальное ознакомление с ними вскрывает, однако, недочеты более крупного порядка, носящие уже органический характер. Рядом с этой внешней путаницей классификации идет совершенно

неправомерное сопоставление под одним ключевым понятием слов разного порядка. Таковы, например, с одной стороны, английские слова *long, short, first, last*, которые в одинаковой мере возможно поместить в разделах «пространственные отношения», «количество» или «время», с другой стороны — объединяемые с этой первой группой слов латышск. *ilgs* (применяется только ко времени) или англ. *brief* (преимущественно во времени).

Иногда составитель поступает иначе и допускает разрыв слов на два раздела, тем самым игнорируя своеобразие смысловой структуры, свойственное словам разных языков. Таково, например, слово *land* «земля», которое оказывается и в разделе «физический мир» (1,21) и в разделе «социальные отношения» (19,11). См. в этой связи примечание на стр. 953, фиксирующее беспомощность составителя в этом отношении.

Многочисленность подобных примеров приводит к заключению о том, что составитель фактически отказался от систематического проведения принципа выявления процессов развития тождественных понятий в разных языках по их историческим этапам. В силу неясности и нечеткости исходных представлений о взаимоотношениях слова и понятия, о границах слова и его семантической структуре Бак запутался во многочисленных противоречиях, с которыми он столкнулся в процессе практической работы по составлению словаря, и в большом количестве оговорок вынужден был признать свое бессилие в выполнении поставленной задачи.

Чтобы спасти положение, Баку пришлось обратиться к обычному алфавитному словарю, который хотя и занимает скромное место в конце книги, в действительности является единственным организующим началом данного словаря. Таким образом, замысел Бака оказался не осуществленным, в чем вина не Бака, — видимо, ученого большой эрудиции, вложившего вместе со своими сотрудниками огромный труд в составление словаря, — а состояния зарубежной науки о языке, не имеющей ясных методологических принципов. В результате у составителей, помимо их воли, получился словарь произвольно отобранных английских слов, которые сопоставляются со словами других индоевропейских языков, частично, по признаку одинаковости семантической сферы, а частично, по признаку этимологической близости.

Что касается определения того, насколько выдержан в словаре Бака семантический принцип, то здесь представляется возможным констатировать следующее: существующие семантические словари обычно представляют собой тип историко-семантических словарей, в которых прослеживается семантическое развитие слов того или иного языка, расположенных в алфавитном порядке. Таким, например, является «*Deutsches Wörterbuch*», составленный Г. Паулем, или коллективный «*New Oxford English Dictionary*». Собственно семантических словарей не существует, очевидно, главным образом потому, что не определились принципы классификации изменений значений. Райс (C. C. Rice) незадолго до своей смерти намеревался составить семантический словарь, в котором слова должны были быть расположены соответственно исходным и конечным значениям слов. Словарь Бака не является семантическим словарем ни в одном из перечисленных двух смыслов. Бак представляет себе семантическое развитие слов по установившимся в зарубежной лингвистике типам «сужения», «расширения» значений и т. д. Во введении он описывает эти традиционные типы семантических сдвигов, но в самом словаре они не фиксируются. Эти семантические процессы и не могут быть фиксированы, так как у Бака принципиально иное построение словаря: он исходит не из основ *Bedeutungslehre*, т. е. учения об изменении значений, а из принципов феноменологического *Bezeichnungstheorie*, т. е. учения об изменении наименований; он располагает материалом не с тем, чтобы показать, как в пределах одного и того же слова происходят семантические изменения на протяжении его исторического существования, а пытается указать на то, как вокруг одного и того же понятия могут располагаться разные слова. Но последовательно Бак это делает в крайне редких случаях (например, с понятием *earth, land* «земля» и его производными *ground, soil* «почва», *dust* «пыль», *mud* «грязь», *sand* «песок»). Обычно же составитель или совершенно обходит этот момент, называя только основное слово для данного понятия и предоставляя читателю самому разбираться в последующей смене и развитии системы его наименований, или же, — главным образом для тех языков, где наименования понятия даются по разным их периодам (английский и немецкий), — ограничивается беглыми замечаниями. Таким образом, в сравнительном плане приводимых им «индоевропейских синонимов» Бак не прослеживает подобного рода смены названий. Во многих случаях это оказалось бы просто невозможным, ввиду указанной выше несопоставимости слов разных языков.

Не следует при этом смешивать семантического принципа изучения слова (даже в том смысле, как его понимает Бак) с этимологическим. Этот последний представлен в словаре наиболее полным образом и фактически подменяет собой семантический. Обратимся к типичному примеру разбора (*discussion*) ключевых слов, который в обязательном порядке следует за их перечислением по всем рассматриваемым языкам. Например, «вода» (*water*) имеет следующие пояснения (стр. 35): «Слова для «воды» за редким исключением принадлежат к определенным широко распространенным родственным группам, одна из которых восходит к собственно прямому и общеиндоевропейскому обозначению «воды», а три другие также отображают индоевропейские слова для «воды», но,

очевидно, в более специализированном применении, вроде «текучей воды» или «дождевой воды». Многие слова, принадлежащие к этим группам, приводятся в других статьях: море, волна, река, дождь. Указав, следовательно, на так называемую внутреннюю форму индоевропейских корней для наименований «воды», Бак переходит к перечислению индоевропейских слов, группирующихся вокруг них: «1. ИЕ *wedōr, *wodōr, *uden, — указывает он, — типичная основа среднего рода на г/п с чередованием корневого слога, от корня *wed-, в санскр. ud- «влажный», «течь». Некоторые формы — с носовым в корневом слоге (перешедшие из глагольных форм с носовым инфиксом, или в результате ассимилирующего воздействия «п» основы). Вальде-Покор. I. 252 и далее, Эрну-М., 1124.

Греч. ὕδωρ; умбр. utur (лат. unda «волна»); др.-ирл. usce, совр. ирл. uisce (гаэл. uisge-beatha «вода жизни», совр. англ. whiskey, whisky, «виски»); герм. группа, гол. watō, др.-англ. water и т. д.; лит. vanduo, латыш. ūdens, др.-прусс. wundan, unds; ст.-слав. voda и т. д., общеслав.; санскр. udan-; хетт. watar, род. wetenas; алб. ujë.

Такие же сведения даются относительно других индоевропейских корней, связанных с этим понятием: *akwā или *akwā-, *āp-, *wer-; кроме того, приводятся слова, находящиеся вне названных корней (ирл. dobur в dobur-chū «выдра», букв. «водяная собака», алб. det «море» и т. д.).

Как отчетливо показывает приведенный краткий пример, слова в пределах каждой статьи группируются в первую очередь по признаку этимологической близости. Семантическая их связь учитывается и выделяется лишь в той мере, в какой это необходимо, чтобы отметить этимологическую связь слов. Это не более, как один из компонентов (наряду, например, с фонетическими корреспонденциями) определения правомерности этимологического сближения слов родственных языков. Именно в силу того обстоятельства, что ведущим моментом оказался этимологический принцип, стали возможными те непоследовательности в семантической классификации слов по понятиям, которые отмечались выше.

В основном по этимологическому же признаку устанавливается связь и между ключевыми словами в рамках определенных разделов. Так, указывая на возможность использования индоевропейских корней не только для обозначения «воды», но также и для «реки», «потока», «ручья», Бак приводит новую серию примеров для уже упоминавшихся корней (например, ИЕ *āp (ab-), лат. amnis «река»; др.-ирл. ab(aba, oub и т. д.); совр. ирл. abha «река»; валл. afon «река», afonig «ручей»; брет. aven «река»; лит. урė, латыш. урė, др.-прусс. арė «река», лит. upelis, латыш. upiņš «ручей» и пр.). К старым корням добавляется некоторое количество новых (*sreu- «течь», *rei- «дать, ядти»), которые оказываются этимологическими центрами, объединяющими другие группы слов.

Сделав волей или неволей этимологический принцип ведущим в своем словаре, Бак и старался осуществить его с наибольшей тщательностью. Во многом, разумеется, этимологическая сторона зависит и определилась теми источниками, которые использовал составитель, и давать оценку этой стороне его работы, означало бы подвергать оценке эти источники.

Бак, в основном, базировался на словаре Вальде-Покорного (Waldе-Pocke n u, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen), но вместе с тем им привлечено большое количество этимологических словарей отдельных языков или групп языков, справочников и журнальных статей. Исчерпывающим, однако, список использованной литературы нельзя назвать. В отношении русского языка, например, Бак довольствовался Далем, Бернскером и Миклошичем и не использовал ни этимологического словаря А. Преображенского, ни Толкового словаря под ред. Д. Н. Ушакова. Едва ли вполне удовлетворительной можно назвать и балтийскую часть его этимологий, где составитель, следуя, повидимому, А. Зенну (A. Senn), допускает иногда явные натяжки. В целом, однако, в этимологической своей части словарь Бака, широко использующий авторитетные словари А. Эрну-Мейе, З. Файста, Фальк-Торпа, Хелльквиста и др., стоит на несомненно высоком уровне и поэтому является ценным справочным изданием. Но ценность его имеет односторонний характер. Замысел, который был положен в основание словаря, составителю не удалось осуществить, как не удалось достичь и синтеза трех принципов — идеографического, семантического и этимологического.

Словарь не дает сколько-нибудь последовательно изложенного материала, способствующего изучению истории понятий, что являлось главной задачей словаря и что оказалось не по силам составителю ввиду его методологической беспомощности. Фактически в настоящем своем виде словарь приближается к типу обычного сравнительно-этимологического словаря основных индоевропейских языков, включающего некоторую часть их довольно произвольно отобранной лексики, которая расположена по предметной (хотя и очень свободно понимаемому) признаку. Именно как такого рода своеобразное соединение в одной книге этимологических словарей ряда индоевропейских языков словарь Бака и может оказать пользу работе лингвиста.

В. А. Звегинцев